

Р. К. БАЛАНДИН

Наследие и наследники Вернадского

Полунаука — это деспот... имеющий своих жрецов и рабов, перед которым все преклонялись с любовью и суеверием... перед которым трепещет даже сама наука.

Человек с самых первых времен объяснялся образами. Каждый язык полон образами и метафорами. Вы посягаете на образное изложение мысли, вы заговорщики против прогресса, бедные несчастные невежды... Формула тянет к муравейнику.

Наука покрывается плесенью утилитаризма.

Ф. Достоевский

Первое и последнее, что требуется от гения, это любовь к правде.

И. В. Гете

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЮБИЛЕЮ

В истории культуры есть одна тревожная закономерность. Крупные ученые, течения мысли — в философии, религии, науке, литературе, искусстве — испытывали кризис и гибли вовсе не из-за хулителей, гонителей, врагов. Наиболее страшные удары наносили им последователи. <...>

Поначалу может показаться, что подобные рассуждения не вполне подходят к проблемам творческого наследия В. И. Вернадского. Ведь, несмотря на то что при жизни ученого и позже у него было немало учеников и последователей, его идеи у нас в стране никогда не пользовались всеобщим признанием, не восхвалялись и не рекламировались... Нет, не совсем так. Прежде

всего припомним, как много самых высоких эпитетов доставалось ему и его творческим достижениям в данный юбилейный год, причем нередко слова эти — искренние, прочувствованные — принадлежали очень авторитетным людям. Нечто подобное происходило и пять лет назад, во время предыдущего юбилея. Да и вообще за последние полвека у нас не слышно было вроде бы никаких критических выступлений против идей Владимира Ивановича. Издавались многие его труды. Вышли в свет «Избранные сочинения» в шести книгах (вскоре они были оценены, а затем еще раз — до ничтожной стоимости...)¹. Еще в 1961 году в популярной серии «ЖЗЛ» была выпущена объемистая книга Льва Гумилевского — биографа Вернадского².

И все-таки приходится признать: гениальные научные прозрения Вернадского не нашли должного отзвука в среде отечественных ученых второй половины нашего века. Даже его великое учение о биосфере и ее преобразовании человеком пришло к нам из-за рубежа! Это учение первыми «взяли на вооружение» философы и ученые Западной Европы и США. Не странно ли?

Иногда подобные казусы объясняют предельно просто: гений слишком «опередил свое время» (ставлю это выражение в кавычки в убеждении, что гений своевременен всегда или, если угодно, навеки). В действительности, однако, дела обстоят как раз наоборот. При жизни Владимира Ивановича его идеи подхватывались, разрабатывались, углублялись его учениками, например А. Е. Ферсманом, Б. Л. Личковым.

Но позже (и поныне) при полном официальном признании гения Вернадского, при определенном буме вокруг его имени, при появлении даже «вернадистики», «вернадскологии» (нелепые слова и понятия!) его идеи, в сущности, не разрабатываются. Более того, заметен отход от завоеванных им рубежей, забвение — не на словах, а на деле — его важнейших творческих достижений. <...>

МЕЧТА И РЕАЛЬНОСТЬ

<...> На учение Вернадского о ноосфере (или о биосфере и ноосфере) в этот юбилейный год ссылаются очень часто на всех уровнях: от массового (газеты, массовые журналы) до элитарно-специального (научные издания). Высказываются обычно в том смысле, что оно открывает нам магистральный путь в светлое будущее.

По моему мнению, такого учения нет вообще, а у Владимира Ивановича — в частности. Так же как нет никакого перехода

от биосферы к ноосфере. Да и нет, пожалуй, магистрального пути для человечества: оно, как и каждый из нас, как любое живое существо, постоянно находится перед выбором — обязательно осознанным — того или иного пути из многих возможных.

Исследований истории, структуры, динамики ноосферы Вернадский не проводил. И неудивительно: можно ли изучать на основе фактов то, чего нет в реальности? Если же иметь в виду геологическую деятельность человека на планете, то надо прямо сказать: и до, и после Вернадского было немало исследователей, изучавших это явление детальнее, а то и проникательнее, чем он (Г. Марш, Э. Реклю, Р. Шерлок, А. Е. Ферсман и другие). Например, в конце прошлого века замечательный русский географ А. И. Воейков³, осмысливая взаимодействие человека с природой, утверждал: «Истинная культура в том и состоит, чтобы путем временных ограничений, трудов и усилий достигать блага в будущем, если не всегда для себя, то хотя бы для подрастающих поколений». Если согласиться с этим пониманием культуры, то напрашиваются невеселые мысли: ведь за последние десятилетия мы только и добывали материальные блага в настоящем за счет преступного расхищения природных богатств, а то и разрушения памятников культуры.

Упоминаний о ноосфере у Вернадского немало. Однако они весьма противоречивы. Изредка он писал о ней в будущем времени, чаще всего — о переходе к ней («Мы входим в ноосферу»), а то и о реальности («Мы находимся в состоянии ноосферы»). Дело в том, что, как видно из его работ, в одних случаях под ноосферой он понимал биосферу, перестроенную человеком по законам разума, в других — область активного проявления научной мысли как планетного явления, в третьих — геологическую деятельность человечества...

Впрочем, ученый не стремился к созданию соответствующего учения и не претендовал на него. Он верил в грядущую победу человеческого разума и мечтал о ней. Незадолго до конца второй мировой войны (и до своей смерти) Вернадский смело и радостно утверждал: «Мы входим в ноосферу». С той поры факты убеждают нас в том, что мы... отходим от ноосферы, самым неразумным образом отравляя и разрушая ту природную среду, которая нас создала и частью которой мы являемся.

Благодаря глобальной технической деятельности человека биосфера действительно решительно преобразуется, но в особую, организованную по принципу механизма среду — техносферу. Приближенные расчеты показывают, что лишь десятая (в лучшем случае) часть производимой человечеством работы направ-

лена на созидание. Из «созидательной» доли также примерно десятая часть идет на удовлетворение непосредственных нужд человека, а остальные девять десятых от одной десятой — на содержание, эксплуатацию и воспроизводство технических систем.
<...>

Наука все откровеннее становится отраслью производства и военной техники, ученые тоже обслуживают прежде всего техновещество, создавая все более агрессивные, опасные, активно поглощающие природные ресурсы разновидности технических систем и технологий. Посредник между человеком и природой — техновещество — становится чудовищно прожорливым. Потому что в нем воплощены, им движут, помимо творческого гения человека, и наши пороки: жадность, лицемерие, трусость, жестокость, самодовольством, полужнание...

К таким выводам приходишь, сопоставляя мечту о ноосфере с действительностью. Практическое развитие идей Вернадского о структуре биосферы, о глобальной деятельности человека и двух синтезах космоса идет не так, как предполагал ученый. Это вполне естественно. В его время соответствующие расчеты были скудны и очень неточны, экологические проблемы только еще начали разрабатываться, а горизонты технического прогресса, в частности атомной энергетики и химизации, виделись в радужном ореоле.

Было бы крупной ошибкой пытаться канонизировать научные достижения и теории Вернадского как сумму непротиворечивых истин, которые остается только запомнить и повторять на разные лады. Перед нами — фундамент грандиозного здания, которое еще далеко от завершения. Тут не любоваться надо, не выплескивать восторги, не лепить украшения, не вывешивать лозунги и плакаты, а постараться понять замысел зодчего и продолжать начатое им дело, не боясь, если требуется, перестроек и реконструкций. Без свободного творчества и квалифицированного подхода ничего путного не получится.

НАУЧНЫЕ ПРИПИСКИ

История знаний разворачивается перед нами подобием ночного неба с бесчисленными звездами человеческих личностей, творцов. Этими светоносными точками определяется строй научного «мирознания»: источником мысли всегда остается интеллект конкретного человека.

Но вот кому-то одна лишь звезда представляется ослепительной, затмевающей все остальные. И небо уже — не небо, не россыпь созвездий, не «хоры стройные светил», а крошечная тьма в одной путеводной звездой. Такие искусственные небеса с искусственными звездами мирознания конструировать нетрудно, тут не требуется ни большого труда, ни основательных знаний — достаточно оперировать выхваченными «по случаю» цитатами. Так происходит сотворение кумира за счет порой неумышленного — по незнанию — «затмения» других звезд.

А возможно, у нас уже выработалась привычка стоять перед «великими» в какой-то полусогнутой позе, подобострастно поглядывая на них снизу вверх. О каком творчестве в этом случае может идти речь? Но это еще не все. Так уж повелось, что им начинают приписывать те достижения, которые принадлежат другим. И самое печальное, что подобные научные приписки приходится связывать с именем Вернадского.

Например, создание радиогеологии. В нашей стране Вернадский тут был первым, это бесспорно. Но утверждают: его приоритет — в мировом масштабе. А Владимир Иванович, вспоминая о своем пребывании в Англии на научном конгрессе осенью 1908 года, сам писал, что Джон Джоли «прочел доклад о геологическом значении урана — дал первую (! — *Р. Б.*) сводку по радиогеологии». Как видим, Вернадский точен и безупречно честен. В одной из своих статей он высказался так же недвусмысленно: «Мне Джоли тогда открыл глаза, и в 1910 г. я выступил в заседании Академии наук...»⁴

Другой пример: приоритет в космохимии, предвидение выхода человека в космическое пространство. Впрочем, с предсказанием космических завоеваний человечества — явная нелепость, если учесть, что оно было дано позже обстоятельных работ К. Э. Циолковского. А космохимические исследования в нашей стране одним из первых и наиболее активно осуществлял А. Е. Ферсман. В июне 1935 года Вернадский писал Личкову о своем несогласии с космохимической концепцией Ферсмана: «А. Е. (Ферсман. — *Р. Б.*) слишком широко взял космическую сторону явлений, где эмпирическая основа слаба и ненадежна». Однако этот упрек вряд ли справедлив. В своей «Геохимии» (Т. I. 1934)⁵ Ферсман писал: «Наши знания по химии космоса лишь сейчас начинают сливаться в отрывки общей картины. Никакая стройная и научно обоснованная теория еще не может быть построена. Мы находимся лишь в периоде постановки вопросов, но не их разрешения». Между прочим, термин «космохимия» (химия космоса) принадлежит Ферсману, как и дру-

гой — «техногенез» (глобальная геологическая деятельность человека).

О геохимической деятельности человека Владимир Иванович упомянул в своих сорбонских лекциях (1923—1924) и написал небольшую главу в «Очерках геохимии» (1927). Обычно эти две страницы служат источником цитат, якобы доказывающих первенство Вернадского в разработке проблемы. Но еще в 1922 году было издано в Лондоне обстоятельное исследование Р. Шерлока «Человек как геологический агент». А наиболее подробно и убедительно раскрыл эту тему методами геохимии А. Е. Ферсман. В 1923 году он опубликовал книги «Химические элементы Земли и космоса» и «Химия мироздания», а в 1924 году — брошюру «Химические проблемы промышленности» (рождение геохимии техногенеза?). Позже именно он разработал геохимические аспекты глобальной и региональной деятельности человека в связи с хозяйственной деятельностью и охраной природы. Последнее обстоятельство хотелось бы подчеркнуть особо. В 1932 году была опубликована брошюра Ферсмана «Комплексное использование минерального сырья». В ней даны не только общие, но и конкретные рекомендации для осуществления рационального природопользования. Подобных разработок Вернадский не проводил.

Можно было бы привести некоторые другие примеры «научных приписок». Да и этого, полагаю, достаточно. Хотелось бы упомянуть о ставшем модным сопоставлении «космизма» Вернадского с идеями Н. Ф. Федорова и А. Л. Чижевского. На эти идеи Вернадский, насколько мне известно, ни разу не ссылался в своих работах. В отличие от Чижевского, солнечно-земные связи он признавал только в энергетической форме: «впитывания» живым веществом, биосферой лучистой энергии солнца. У Чижевского — совсем иначе; он предполагал тонкую регуляцию земных процессов космическими силами. Философско-религиозные воззрения Н. Ф. Федорова Вернадский не комментировал никак и был, насколько можно судить по его высказываниям, далек от них.

Короче говоря, происходит какая-то мифизация личности и идей Вернадского. Ему старательно придают черты «научного пророка», авторитетного едва ли не во всех областях знаний, культуры и точно предрекавшего будущее. Его идеи стремятся представить как универсальные, позволяющие легко и просто справляться с самыми разными научными и философскими проблемами, даже с такими, над которыми он практически не работал или которые значительно глубже, убедительнее, деталь-

нее в то же время или раньше исследовали другие ученые. Такие «вольности» грубо искажают правду — ту самую правду, которую Владимир Иванович почитал превыше всего на свете. И очень огорчительно, что день юбилейных торжеств, посвященных Вернадскому, завершился на Центральном телевидении показом для многомиллионной аудитории художественно слабого и фальшивого, искажающего факты фильма «Набат на рассвете» (некогда было специальное заседание на «Мосфильме», где с очень резкой, обоснованной критикой этой кинокартины выступил, в частности, академик А. Л. Яншин; тогда же руководство студии дало обещание исключить ссылки на Вернадского при демонстрации этого фильма, но слово свое не сдержало)⁶.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЕРНАДСКОМУ

Хотелось бы затронуть одну непростую тему, о которой даже неробкие наши публицисты стараются умалчивать. Дело в том, что совсем не случайно главнейшие мировоззренческие установки Вернадского не находили и не находят должного отклика в среде нашей научной общественности.

Вспомним о яростных нападках на Вернадского со стороны некоторых отечественных философов. Его обвиняли в «ползучем эмпиризме», «мистицизме», непонимании «развития научного знания» и так далее. А в результате вывод: «Все мировоззрение В. И. Вернадского, естественно, глубоко враждебно материализму и нашей современной жизни, нашему социалистическому строительству». Отвечая «критикам», он писал: «Я философский скептик. Это значит, что я считаю, что ни одна философская система (в том числе и наша официальная философия) не может достигнуть той общеобязательности, которой достигает (только в некоторых определенных частях) наука».

Будем откровенны: мы все еще не готовы признать верной такую позицию великого ученого. В многочисленных трудах по общественным наукам, философии вновь и вновь главным методом доказательства является цитирование, а вместо поисков новых идей — постоянные оглядки на то, что было сказано раз и навсегда признанными, непререкаемыми авторитетами. Осталось только труды и высказывания Вернадского отнести в ту же категорию! Но тогда, если уж быть последовательными и действительно считать его великим мыслителем XX века, надо бы вспомнить и его философский скепсис.

Вернадский видел благо народа и государства именно в свободе творческой научной и философской мысли. Он утверждал, он верил в то, что «должны создаться *новые* философские системы (во множественном числе! — *Р. Б.*), понимающие язык и мысль новой науки». Владимир Иванович писал: «В стране, где научная мысль и научная работа должны играть основную роль, ибо с их ростом и развитием должны были бы быть связаны основные интересы жизни, — ученые должны быть избавлены от опеки представителей философии. Этого требует польза дела, государственное благо».

Пора бы нам всерьез поразмыслить о разнице между единомыслием и единодушием. Первое — вовсе не показатель общей дружбы и высокого патриотизма. Как бы не наоборот. Людей можно заставить или научить ходить в ногу, но думать мысль в мысль никак нельзя даже при сильном желании. Слишком уж мы разные. Хотя нетрудно притворяться «единомысленниками», да еще если это выгодно и удобно. Так рождаются криводушие, лицемерие, взаимное недоверие, обман. Людей определенного склада это устраивает. Не они ли восприняли позицию Вернадского с острой личной заинтересованностью как покушение на их личные блага и привилегии? Таких людей не беспокоят интересы государства, народа, общества, человечества. Все эти категории для них абстрактны, а конкретна личная выгода. Громче всех они выкрикивают соответствующие моменту лозунги (из которых многие, конечно, верны), ловчее других подбирают соответствующие цитаты, бдительнее и жесточе других выискивают и пресекают отклонения от «официальной линии»...

Ну а если здраво рассудить: нужны ли нам толпы думающих «в ногу», не способных вырабатывать самобытные мысли и опираться на собственный разум? Это же магистральный путь к идейной, духовной деградации общества. Интеллектуальный потенциал определяется разнообразием мнений, многоцветием идей, признанием свободы интеллектуальных исканий и сомнений. Ведь свободные люди в отличие от рабов единодушны не по принуждению, а по убеждению. Разномыслие тут не помеха, а возможность охватывать мыслью более широкие горизонты реальности.

Так полагал Владимир Иванович. Не только на словах. У него слова не расходились с делами. Он утверждал свои убеждения не призывами и поучениями, а единственно достойным образом: собственным примером. <...>

Сегодня, в период перестройки — в том числе и общественного сознания, — как никогда своевременно вернуться к Вер-

надскому, к его пониманию мира, общества, человека, жизни идей. Ведь мы его наследники. Именно сейчас складываются наиболее благоприятные условия для тех научно-философских синтезов, которые в нашем веке успешнее всех осуществлял Вернадский. Напутствием нам, потомкам, звучит редкое для него признание: «В научном изучении биосферы лежит корень решения многих не только научных, но и философских, касающихся человека проблем».

Давайте возвращаться к Вернадскому: не к монументу, а к живому, благородному, честному, смелому искателю истины.

